

Военная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы

А. С. Сенявский, Е. С. Сенявская*

Общество — многомерно, тем более если его рассматривать в динамике, во временном измерении, то есть так, как это и призвана делать историческая наука. Общество существует в пространстве и во времени, причем и пространство, и время, и пространство социально структурированы. Если брать только один «вертикальный» срез, то здесь присутствуют, по крайней мере, три уровня: макро-, мета- и микроуровни. В действительности их гораздо больше, потому что категориальное мышление, как правило, предельно упрощает рассматриваемые объекты исторического анализа. Если брать «горизонтальные», содержательные измерения, то их великое множество: социокультурные явления, экономика, социальные отношения, политика и т.д., — все это взаимосвязано и переплетено. Вырывать какую-либо тему и рассматривать ее как самостоятельный предмет исторического исследования можно лишь предельно условно: нужно всегда иметь в виду, что это лишь часть большого целого, хотя и в разной степени автономная, но преимущественно определяемая системными связями, в которые эта часть как элемент целого включена.

Кроме того, следует иметь в виду, что общество — «голографично». Это значит, что любой элемент общества как системы, в любом его измерении всегда отражает — в конкретных отношениях и проявлениях — общество как целое и особенно его подсистемы, в которые эта часть непосредственно интегрирована.

После таких общих замечаний перейдем к анализу ключевых исходных понятий темы. Дело в том, что «повседневность» — это, во-первых, преимущественно область «микроуровня» истории, хотя им

не ограничивается, а во-вторых, даже в единичных проявлениях повседневности как в голограмме проявляется вся совокупность существующих в данном обществе в данное время общественных отношений, включая мета- и макроуровни¹.

Повседневность как специальная область исторических исследований была обозначена и стала популярной недавно. В действительности, основные аспекты ее рассмотрения, пусть и обозначаемые иными терминами (история труда, быта, отдыха и досуга, обычаев, различных срезов культуры и т.д.), чаще всего — в отдельных фрагментах — изучались давно и традиционно. Такой поворот в историографии в принципе соответствует логике развития науки, где «хорошо забытое старое» нередко подается как новое, к этой области привлекается повышенное внимание научного сообщества, и она становится весьма популярной. И здесь для конкретной отрасли науки, в данном случае для истории, есть как свои плюсы, так и минусы. Плюсы состоят в том, что в этой «старой-новой» области совершается немалый рывок в количественном накоплении знаний, нередко также и теоретико-методологические прорывы, формирование новых концепций, вплоть до смены парадигмы отраслевого знания. Этот скачок может влиять на целую конкретно-научную область или даже всю науку. Минусы состоят в том, что увлеченные своим предметом исследователи обычно забывают его ограниченность, рассматривая как самодостаточный, вне связи и общенаучного контекста. Исследователям повседневности стоит поостеречься излишней переоценки значимости их предмета при изучении истории общества. Конечно, повседневность «самоценна»

* **Сенявский Александр Спартакович** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра «Россия и СССР в истории XX века» Института российской истории РАН;

Сенявская Елена Спартаковна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, лауреат Государственной премии РФ, действительный член Академии военных наук.

как предмет массового читательского интереса, обычно имеющего склонность к бытовым подробностям жизни. Но нужно всегда отдавать себе отчет, что «повседневность» — всего лишь один «ракурс» рассмотрения общества, не способный дать решающей информации для понимания его исторической динамики, а лишь дополняющий, конкретизирующий научные подходы, вскрывающие его сущность.

Позитивность выведения категории «повседневность» на один из первых планов в интересе современной мировой историографии заключается, прежде всего, в перенесении акцента с институциональной и макрособытийной истории на ее богатую конкретику. То есть — переход от доминирования умозрительных схем и построений к «истории подробностей жизни». Второй положительный момент — объединение в общий предмет широкой области ранее отдельных сюжетов и тем исследований (быт, отдых, труд, гендерная история и т.д.). То есть речь может идти — в совокупности — о новой парадигме исторического знания, при которой факт реальной жизни приобретает качественно иное научное значение. В контексте этой парадигмы вместо «аналитичности» доминирует «описательность» (которая правомерно реабилитируется в данной области).

Вместе с тем, излишнее увлечение повседневностью, гипертрофия значимости этой темы таит угрозу «расщепления исторической реальности», «размывания», бесконечного фрагментирования истории, не избавляя от опасности схематизма, потому что повседневность тоже должна быть структурирована, а здесь возможны как действительно научный подход, так и субъективный произвол при выборе тем и ракурсов.

***

Казалось бы, тот срез исторической реальности, который отражается понятием «повседневность», всецело принадлежит «микроистории», является прерогативой «фактографии» и предельной конкретики, поскольку речь идет — в ряду прочих аспектов — и о мельчайших проявлениях жизни людей. Однако, если придерживаться действительно научного подхода, это далеко не так.

Создать полную историю, значит воссоздать всю совокупность жизни всех членов общества изо дня в день. Но это абсолютно ирреальная (да и не нужная) задача. Историческая наука в принципе не может воссоздать реальность жизни во всей ее полноте, причем не только всех и каждого, но даже и одного человека. Причем если жизнь отдельных конкретных людей (крупных деятелей: политиков, полководцев, ученых и т.д.) может быть в принципе интересна многим, то персональная жизнь «маленького человека» сама по себе — почти никому. Вместе с тем, она представляет интерес для историка в своих типических проявлениях: как иллюстрация жизни тысяч или даже миллионов таких же «маленьких людей» в конкретной

стране в конкретно-исторической ситуации. Но в таком случае, речь идет уже о массовых проявлениях повседневности, к изучению которых применимы, например, количественные методы, методы статистики. Здесь микроистория смыкается с макроисторией, с историей широких социальных явлений.

Проблемы «макроуровня» (изменение социально-экономических, политических, духовных условий жизни общества, и др.) имеют целый ряд «выходов» на проблемы повседневности. Например, изменения структуры собственности, материальных условий жизни, распространение технических средств разного порядка (средств транспорта, связи, бытовых приборов и т.п.) радикально меняют те или иные стороны повседневности. В военной истории за последние пару столетий существенно изменялась повседневность и фронта, и тыла, что было связано с техническим прогрессом (появление новых массовых военных профессий — артиллеристы, танкисты, летчики, на флоте — подводники, и т.д.; приближение «фронта и тыла» из-за превращения тыла в арену боевых действий — вследствие появления средств поражения — авиационных, ракетных и др.).

Хотя, конечно же, и образ повседневной жизни, и ее структура во многом определяются уникальной индивидуальностью каждого человека, но социальные, материальные параметры жизни объективно задают определенную «матрицу» повседневности: крестьянин привязан к годовым, ежедневным циклам природы, тогда как рабочий у станка — к режиму работы фабрики; житель крупного городского центра имеет широкий выбор в проведении своего свободного времени, а житель села в этом предельно ограничен и т.д. В сущности, в каждую историческую эпоху, в каждой стране, для каждого человека существуют пределы индивидуализации повседневной жизни. Различия в структуре повседневности внутри каждой из социальных категорий определяются индивидуальной реализацией возможностей, существующих в достаточно жестких рамках «свободы выбора», характерных для каждой из социальных групп. Поэтому при изучении повседневности необходимо безусловное сочетание методов макро- и микроуровней исторического исследования. Здесь открывается широкое поле для исторического анализа. Возможно изучение «структуры повседневности» конкретного общества, которая явно будет коррелировать с состоянием его стратификации. При этом качество «матрицы» повседневности может играть решающую роль в полноте и объективности отражения социальной реальности. Использование разнообразных «матриц» как инструмента исследования повседневности представляется весьма перспективным. Интересна как одна из ключевых тем динамика структуры повседневности всего общества и отдельных категорий в частности. Значительную роль в ее исследовании могут сыграть наработки социологов, например, по проблеме бюджетов вре-

мени различных социальных категорий: сколько времени человек затрачивает на конкретные виды труда, на быт, отдых, образование и т. д.

Таким образом, при изучении повседневности необходим объемный, голографический взгляд, от максимально общих данных, характеризующих структуру социальности в конкретный момент, до живых конкретных описаний индивидуальной жизни. Категорически нельзя ограничиваться методологией и инструментарием микроистории. Нередко макроистория может сказать о сущности повседневной жизни намного больше и объективнее, чем самые наглядные и «живые» бытовые зарисовки, потому что последние являются иллюстрацией, могут представить и отразить единичное, а часто — уникальное, но не общее.

При изучении любого исторического явления всегда возникают вопросы достоверности отражения, точности и полноты воспроизведения. Достоверность зависит от качества используемых источников, полнота описания — от масштабов использования источников и вовлечения исторического материала, точность, адекватность отражения — от методологии и методики исследования. Источниковедение «повседневности» представляет собой тему для отдельного анализа. Здесь же затронем еще один методологический вопрос. Когда речь идет о повседневности, особую важность приобретает вопрос о «формальной» и «живой» истории. Взятые в отрыве одна от другой, они представляют относительную ценность: первая — как абстракция, отражающая общие закономерности, дающая пищу уму, не воображению, не чувствам; вторая — как забавная уникальность, приближающаяся по форме отражения к искусству, но отдаляющаяся от науки. В действительности, обе истории не противоречат друг другу, а могут взаимодополняться. Особенно плодотворен в тематике повседневности синтез макро- и микроистории.

История может быть статичной и динамичной. Повседневность в статике — значит, отражение структуры повседневности, взятой на какой-либо исторический момент. Повседневность в динамике — это как можно более полная совокупность статических структур, рассмотренная во времени. На практике повседневность какого-либо общества не может быть изучена во всей полноте из-за масштабности предмета изучения, огромной трудоемкости, несоответствия объема сохраняющихся источников объему возникающих проблем и т. д. Речь может идти лишь о типологии повседневности (при опоре на массовые источники) и об «образах» повседневности, которые являются иллюстрациями конкретных элементов типологии, возникают на основе «живых» картин, создаваемых авторами источников личного происхождения, литераторами и историками, пытающимися воспроизвести «живую ткань» человека и общества во времени.

Как правило, историк имеет дело с фрагментами повседневности, взятыми по какому-либо принципу:

повседневность социальной категории, повседневность конкретного общества в конкретный момент или ограниченный период, какие-либо занятия в конкретном социуме и т. п. Попытка «глобальных» исследований весьма интересна, но, как правило, обобщается предельной краткостью, упрощениями и иллюстративностью.

***

Что же такое «военная повседневность» как предмет исторического исследования и как ее следует изучать? В основном, данная область исследований подчиняется общим закономерностям исторических исследований повседневности в целом, хотя и имеет свою специфику, определяемую экстремальностью состояния общества, страны, народа в состоянии вооруженных конфликтов и особенно крупномасштабных войн.

Здесь также необходимо сочетание широкого общественно-исторического контекста с подробностями жизни, причем определенным образом типологизированными. Динамическая событийная канва развертывания военного конфликта должна сопрягаться с социальными категориями, живущими и действующими в экстремальных военных обстоятельствах. При этом, конечно, принципиальное значение имеет масштаб военного конфликта (от малых войн до мировых), от которых зависит степень вовлеченности общества, которое либо только «наслышано» о ходе военных операций (в случае малых масштабов войны), либо полностью подчинено в большинстве проявлений, в том числе и повседневной жизни, в войну, от которой зависит сама судьба общества, страны, народа и государства, как, например, это происходило в период Великой Отечественной войны. Рассмотрим заявленную проблему именно на этом, последнем примере, как наиболее полно характеризующем военную повседневность советского общества.

Итак, в 1941–1945 гг. все советское общество, вовлеченное во Вторую мировую войну, оказалось в прямом смысле этого слова «на грани жизни и смерти», и все существование советских людей было подчинено общей задаче — противостоянию фашистскому агрессору и достижению победы. Конечно, повседневная жизнь каждого человека в этих условиях была уникальной. Однако люди, оказывавшиеся в похожих обстоятельствах, в целом проживали и похожие жизни. А значит, изучение и фронтовой повседневности предполагает типологизацию разной степени детализации. Прежде всего, это касается разделения общества на фронт и тыл, а внутри этих двух важнейших подразделений — на множество социальных, половозрастных, профессиональных, географических и т. д. категорий. Многочисленные «матрицы», накладываемые друг на друга, дают более многомерную специализированную картину. Повседневность также подразделяется на различные фрагменты и их

блоки — труд, быт, отдых и т.п. для гражданских людей; служба, участие в боевых действиях, быт, отдых и т.д. — для армии на фронте, — вот основные тематические подразделения.

Совершенно очевидно, что фронтовая повседневность принципиально отличалась от повседневности тыловой жизни, хотя и на фронте как служба, так и быт и отдых различных родов войск, профессиональных групп, а также командного и рядового состава армии, флота, авиации существенно отличались. Огромными отличиями характеризовались и периоды отступления, обороны и позиционной войны, наступления, и т.д. Поэтому невозможно создать универсальную картину фронтовой повседневности, но возможно описать некий набор типичных ситуаций для основных категорий военнослужащих с основными показателями и проявлениями повседневности для каждой из категорий. Что не исключает уникальности индивидуального опыта, например, создателей многочисленных мемуаров, подчас оказывавшихся в неповторимых ситуациях.

***

Итак, на войне существуют и тесно переплетаются опасность боя и повседневность быта, совокупность которых во всем многообразии типичных и уникальных проявлений можно определить как *фронтовую повседневность*.

Психологи знают, как мгновенно преобразуется человек, получивший в руки оружие: меняются все мироощущение, самооценка, отношение к окружающим. Война формирует особый тип личности, особый тип психологии — *психологию комбатанта*, то есть непосредственного участника боевых действий. Это психология человека в экстремальных обстоятельствах войны, которую можно рассматривать как непрерывную череду *пограничных ситуаций*, бытие на грани жизни и смерти. «Только в бою испытываются все качества человека, — говорил в одном из своих выступлений легендарный комбат Великой Отечественной Б. Момыш-улы. — Если в мирное время отдельные черты человека не проявляются, то в бою они раскрываются. Психология боя многогранна: нет ничего не задеваемого войной в человеческих качествах, в личной и общественной жизни. В бою не скрыть уходящую в пятки душу. Бой срывает маску, напускную храбрость. Фальшь не держится под огнем. Мужество или совсем покидает человека, или проявляется во всей полноте только в бою... В бою находят свое предельное выражение все присущие человеку качества»².

В военной психологии существует особое понятие «коллективные (групповые) настроения». Они способны к быстрому распространению и, возникая у одного или немногих людей, часто перекидываются на большую человеческую массу, «психически заражая» ее. При этом в боевой обстановке с одинаковой вероятностью могут проявиться прямо противополо-

жные коллективные настроения: с одной стороны, чувство боевого возбуждения, наступательный порыв, экстаз атаки, а с другой, — групповой страх, уныние, обреченность, способные в определенной ситуации привести к возникновению паники. Таким образом, и паника, и массовый героический порыв — часто явления одного порядка, отражающие «психологию толпы».

Этим во многом объясняется и феномен коллективного героизма, и сила героического примера. Так, подвиг одного человека (или воинского коллектива) в боевых условиях является мощным психологическим импульсом для окружающих, побуждающим их к активному действию, а вместе с тем являющимся и готовым образцом, своеобразной моделью поведения в опасной ситуации.

Наиболее ярким примером негативного воздействия «психического заражения» в боевой обстановке является паника. Ее многочисленные случаи в начале Великой Отечественной войны, в период массового отступления советских войск, в значительной степени были вызваны общим состоянием глубокого психологического шока, который испытала армия в столкновении с реальной мощью противника, что решительно противоречило внушенным довоенной пропагандой лозунгам и стереотипам. При этом сильным импульсом, заставлявшим целые части срывать с позиций и устремляться от мнимой опасности, обычно становился крик «самолеты», «танки» или «окружают». За время своего отступления войска успели настолько «привыкнуть» к ударам превосходящих вражеских сил, собственным неудачам и поражениям, что сравнительно легко поддавались малодушию, панике и бегству в тыл.

Очень часто паника возникала, когда солдат сталкивался на поле боя с чем-то непонятным, например, с применением противником нового вида оружия. Во Второй мировой войне ее вызывало использование сирен на немецких пикирующих бомбардировщиках, радиовзрывателей, советских реактивных минометов «Катюш» и т.д. Кстати, этот психологический фактор был учтен Г.К. Жуковым в начале Берлинской операции, когда вслед за мощной артиллерийской подготовкой последовала ночная атака танков и пехоты с применением 140 прожекторов, свет которых не только ослепил неприятеля, но и вызвал у него паническую реакцию: немцы решили, что против них пущено в ход неизвестное оружие.

Классическим примером борьбы с паникой в период Великой Отечественной войны стали приказы Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии №270 от 16 августа 1941 г. и Наркома обороны СССР №227 от 28 июля 1942 г. В первом из них каждый военнослужащий, оказавшись в окружении, обязан был «драться до последней возможности» и, независимо от своего служебного положения, уничтожать трусов и дезертиров, сдающихся в плен врагу, «всеми средствами, как наземными, так и воздуш-

ными». Особо изощренным видом давления на сознание отступающей армии явился пункт приказа, гласивший, что семьи нарушителей присяги будут подвергнуты аресту³.

Причиной принятия приказа «Ни шагу назад!» явилась объективная, весьма угрожающая ситуация, сложившаяся летом 1942 г. на Юго-Западном фронте, когда за неполный месяц, с 28 июня по 24 июля, советские войска в большой излучине Дона отошли на восток почти на 400 км со средним суточным темпом отхода около 15 км, и нужны были резкие, неординарные меры, чтобы остановить отступление, которое грозило гибелью стране⁴. Приказ №227 призывал установить в армии «строжайший порядок и железную дисциплину», для чего создавались штрафные батальоны, в которых «провинившиеся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости» командиры и политработники могли «искупить кровью свои преступления против Родины». В том же приказе говорилось о формировании заградительных отрядов, которые следовало поставить «в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизии выполнить свой долг перед Родиной»⁵. Главный способ борьбы с паническими настроениями в Советской Армии был прост: «Паникеры и трусы должны истребляться на месте». Можно по-разному относиться к его жестокости, но нельзя отрицать его действенности: приказ №227 сумел переломить настроение войск. Не исключено, что без него СССР не удалось бы победить под Сталинградом, да и в войне в целом. Кстати, еще раньше, чем Сталин, такие же чрезвычайные меры для преодоления кризиса на Восточном фронте и повышения дисциплины войск предприняло германское командование⁶.

Страх в бою — естественное чувство, вызванное инстинктом самосохранения. Часто он становится фактором, препятствующим эффективной боевой деятельности и имеющим широкий диапазон последствий: от массовой паники и бегства больших войсковых масс до индивидуальной психологической подавленности, утраты способности ясно мыслить, адекватно оценивать обстановку, вплоть до безынициативности и полной пассивности. Страх является одной из форм эмоциональной реакции на опасность. Не существует страха абстрактного, страха вообще. Страх бывает перед чем-то, в определенной конкретной ситуации. При этом для человека в экстремальной обстановке характерно чувство доминирующей опасности, обусловленное оценкой создавшегося положения, и часто то, что казалось опасным минутой назад, уступает место другой опасности, а следовательно, и другому страху. Например, страх за себя сменяется страхом за товарищей, страх перед смертью — страхом показаться трусом, не выполнить приказ и т.п. От того, какой из видов страха окажется

доминирующим в сознании воина, во многом зависит его поведение в бою⁷.

Иногда страх вызывает у человека состояние оцепенения, лишает его самообладания, провоцирует неадекватное поведение; в других случаях, напротив, заставляет мобилизовать волю, напрячь усилия, активизировать боевую деятельность. При этом мотивы поведения комбатанта в экстремальной ситуации делятся на идейные и волевые, хотя по отдельности, «в чистом виде» они встречаются довольно редко. Обычно в боевой обстановке человек руководствуется смешанными идейно-волевыми мотивами, и понимание долга в его сознании неразрывно связано с подчинением воинской дисциплине, а любовь к Родине — с проявлением личного мужества. «Страх за собственную жизнь, а порой, не скрою, и обреченность чувствовал, наверное, чуть ли не каждый из пехотинцев, наиболее из всех родов войск выбиваемых фронтом, — вспоминал бывший командир пулеметного взвода, лейтенант в отставке В. Плетнев. — Но все-таки выше, сильнее чувств каждого из нас как индивидуума было наше общее солдатское чувство и сознание, что без всех нас, без тяжелых потерь, без фронтового братства, взаимовыручки победы не добыть, и мы говорили: „Если не мы, то кто? Лишь бы хватило нас на победу! Скорей бы!“ Наверное, такое чувство и есть чувство долга»⁸.

В боевых условиях у комбатантов формируется особое отношение к жизни и смерти. Вот как описывает свои ощущения, испытанные во время Второй мировой, бывший военврач Г. Д. Гудкова: «Чудовище войны многолико. На фронте, как это ни ужасно, человеческую смерть, даже если человек молод, со временем начинаешь воспринимать как обыденное явление. Чувство отчаяния, чувство невосполнимости потери если и не исчезает полностью, то притупляется. А если обострится — его подавляешь, чтоб не мешало»⁹. С другой стороны, важное место в мировоззрении комбатанта занимал «солдатский фатализм», как и «привычка к смерти», являвшийся «защитным барьером» для психики людей в экстремальных условиях. Это взгляд отразился, например, в письме бойца Петра Куковерова к сестре, написанном незадолго до его гибели: «Скоро новый 1943-й год! Я верю, он будет для нас счастливым. Как же я хочу теперь жить! Я люблю жизнь и должен выжить. Я точно знаю: меня никогда не убьют!»¹⁰

Наряду с экстремальной боевой обстановкой, важнейшее влияние на психологию комбатантов оказывали специфические условия *фронтового быта*. «Характеризуя условия боя, нельзя упустить из виду и такую их особенность, как чрезвычайно ощутимые жизненные неудобства, — подчеркивал военный психолог Г. Д. Луков. — Зимой — это стужа, когда застывает смазка даже на тщательно протертом оружии, когда кусок хлеба становится тверже льда, а сырые валенки, замерзнув, ломаются на ходу, как будто они сделаны из очень хрупкого материала.

Бывает и летом, когда бойцы изнывают от жары, от недостатка воды, от жгучего песка и удушливой пыли, ослепляющих бойца и затрудняющих ему дыхание. Нередки случаи в боевой обстановке, когда человек недосыпает, недоедает, живет и действует в неудовлетворительных санитарно-гигиенических условиях, не имеет нормального жилья и уюта, физически и нравственно устает, переутомляется и т.д.»¹¹. Все эти особенности военного быта неизбежно влияли на внутреннее состояние воина, которое сказывалось на его поведении в условиях боя.

Что же представляет собой фронтовой быт, какое место занимает он на войне и какова его структура?

Русский военный психолог Р.К. Дрейлинг среди важнейших факторов, влияющих на психику бойца, называет «особые условия военного быта, вне привычных общественных и экономических отношений, тяжелый труд», отмечая при этом, что «труд, производимый, например, пехотинцем в полном вооружении и снаряжении, превосходит по количеству расходуемой энергии самые тяжелые формы не только профессионального, но и каторжного труда»¹². Человек на фронте не только воюет. Наступает затишье — и в эти часы он занят работой, от которой во многом зависит успех в новом бою.

В понятие фронтового быта, или уклада повседневной жизни в боевой обстановке, входит *выполнение служебных обязанностей* (несение караульной службы, обслуживание боевой техники, забота о личном оружии, выполнение других работ, свойственных родам войск и военным профессиям), а также *отдых и досуг*, в том числе и организованный, т.е. всё то, что составляет *распорядок дня*. Основными составляющими фронтового быта являются также *боевое снабжение и техническое обеспечение войск* (оружием, боеприпасами, средствами защиты, передвижения, связи и т.п.), *жилье, бытовое снабжение* (продуктами питания и обмундированием), *санитарно-гигиенические условия и медицинское обслуживание, денежное довольствие*, а также *связь с тылом* (переписка с родными, посылки, шефская помощь, отпуска).

Исследование проблемы требует привлечения целого комплекса разнообразных источников. Источниками для изучения фронтового быта могут служить как официальные документы (интендантские сводки по снабжению войск, приказы командования, политсводки и политдонесения и т.п.), так и источники личного происхождения (письма, дневники, мемуары, воспоминания). Нередко документы личного происхождения и результаты интервьюирования не просто корректируют данные официальных источников, но и содержат прямо противоположную информацию и оценки. Это еще один важный феномен войны: различия во взгляде с командных высот и из окопа.

Важно подчеркнуть, что существует множество факторов, влияющих на специфику фронтового быта, причем их взаимосвязь в конкретной войне,

в конкретных боевых условиях всегда уникальна, хотя состав этих факторов в принципе универсален. Конкретные бытовые условия участников боевых действий определяются *общими, социальными и ситуационными факторами*. К первым относятся тип и масштаб войны, ее длительность, мобильный или позиционный, наступательный или оборонительный характер. Немалое значение имеет театр военных действий с точки зрения климатических условий и времени года. К социальным факторам относятся принадлежность к роду войск и военной специальности, а также к рядовому или командному составу. В ряду ситуационных факторов — ход военных действий (наступление, оборона, отступление); расположение на основном или второстепенном участках фронта; расстояние от переднего края и т.п.

С точки зрения совокупности факторов, влияющих на специфику быта, каждая из войн уникальна, — прежде всего, из-за различий в историческом времени, в масштабе и длительности конфликта, в используемых технике и вооружении, в степени мобильности и т.д., — хотя можно найти и немало совпадений. Например, много общего было в бытовых условиях участников таких столь разных войн, как русско-японская начала XX в., конфликт на Халхин-Голе в 1939 г. и дальневосточная кампания советской армии в конце второй мировой войны, что объясняется сопоставимым театром военных действий и тем же противником. Но если в 1904–1905 гг. водоснабжение на большинстве участков боевых действий не являлось острой проблемой (бои велись во «влажных» районах), то на Халхин-Голе и в августе 1945 г. оно приобрело чрезвычайное значение. Так, в 1945 г. результатом нехватки воды при наступлении через пустыню Гоби явился резкий рост людских потерь в пехотных частях.

Можно провести немало параллелей между бытовыми условиями фронтовиков во время двух мировых войн на европейском театре военных действий, где основным противником и Российской империи, и СССР выступала Германия, хотя масштабы, степень жесточечности войны, ее характер (первая — преимущественно позиционная, вторая — мобильная), существенная разница в вооружении и техническом обеспечении порождали весьма существенные различия. Здесь главными природно-климатическими факторами были весенняя и осенняя распутица, а также зимние морозы.

Солдатский быт можно отнести к важным слагаемым победы и причинам поражения. От качества быта, его организации во многом зависят моральный дух войск и их боеспособность, а недостаточное внимание к отдельным бытовым факторам нередко чрезвычайно негативно сказывались на ходе боевых действий или приводили к неоправданно большим потерям. Нередко недостаточное внимание к отдельным бытовым факторам (например, нехватка теплой одежды в условиях суровой зимы или плохого

налаженное водоснабжение при передвижении по пустыне) чрезвычайно негативно сказывались на ходе боевых действий или приводили к неоправданно большим потерям.

Так, в «зимней» Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. Красной Армии пришлось в полную меру испытать на себе природный фактор, когда замерзали и теряли боеспособность по причине обморожения целые части. Этот печальный опыт был учтен советским командованием, поэтому к Великой Отечественной войне армия пришла с отличным зимним обмундированием, и на всем ее протяжении сравнение нашего и немецкого обмундирования было не в пользу противника. «Выдавалось нам обмундирование — высший класс, — вспоминал бывший артиллерист, командир батареи С. В. Засухин. — Кальсоны, рубашка, теплое вязаное белье, гимнастерки суконные, ватники (на грудь и штаны-ватники), валенки с теплыми портянками, шапка-ушанка, варежки на меху. На ватники надевали полушубки. Через рукава полушубка пропускались меховые варежки — глубокие, с одним пальцем. Под ушанку надевались шерстяные подшлемники — только глаза были видны, и для рта маленькое отверстие. Все имели белые маскхалаты»¹³.

Проблемы, связанные с санитарно-гигиеническими условиями и вытекающей из них опасностью вспышек инфекционных заболеваний, особенно остры во время массовых войн, затрагивающих не только собственно армейский контингент, но и большое количество мирных жителей. Гигантская миграция крупнейших людских масс (передвижения воинских частей, эвакуация раненых в тыл и возвращение выздоровевших в действующую армию, перемещение гражданского населения из прифронтовых районов в глубь страны, из городов в деревни и обратно) в сочетании с резкой перенаселенностью, нехваткой жилья, катастрофическим ухудшением условий жизни и голодом, — все эти факторы являются пусковым механизмом для развития эпидемических болезней. На протяжении многих столетий действовал неотвратимый закон: войны всегда сопровождалась эпидемиями.

Если во всех военных кампаниях против Японии, особенно 1939 и 1945 гг., проблемы санитарно-гигиенического характера были связаны, в первую очередь, с нехваткой воды и ее плохим качеством, вызывавшим различные инфекционные и желудочно-кишечные заболевания, то во время более ранних войн, которые велись на европейском театре военных действий, главной была борьба с педикулезом (вшиевостью). В Первую мировую войну эта проблема стояла особенно остро, постоянно угрожая массовыми вспышками эпидемий — прежде всего сыпного тифа. Опасность усиливалась позиционным характером войны: войска долгими месяцами пребывали в одних и тех же окопах и землянках, которые вместе с людьми обживали и насекомые-паразиты. При этом

бытовая проблема не только имела самостоятельное значение, так как санитарные потери снижали боеспособность войск, но и перерастала в проблему психологическую, подрывая моральный и боевой дух личного состава. Не менее грозными во время Первой мировой были желудочные инфекции, особенно брюшной тиф, холера и дизентерия, преследовавшие русскую армию на протяжении всей войны, особенно на заключительной ее стадии, когда происходил развал армии, систем управления и снабжения, а также медицинской службы. Эпидемии приобрели просто катастрофический характер в годы Гражданской войны, перерастая в пандемии. Только сыпной тиф поразили, по разным подсчетам, от 10 до 25 млн. человек¹⁴.

В Великую Отечественную войну санитарно-гигиеническому обеспечению действующей армии уделялось особое внимание, в чем проявился учет жестокого опыта Первой мировой и Гражданской войн. Так, 2 февраля 1942 г. Государственный комитет обороны принял специальное постановление «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной Армии». В целях профилактики в тылу и на фронте регулярно осуществлялись мероприятия по санитарной обработке и дезинфекции, в армии активно действовала разветвленная противозаразительная служба. На разных этапах Великой Отечественной перед этой службой стояли различные задачи: в начале войны — не допустить проникновения инфекционных заболеваний из тыла в армию, а затем, после перехода наших войск в наступление и контактов с жителями освобожденных от оккупации районов, где свирепствовали эпидемии сыпного тифа и других опасных болезней, — уберечь тыл от проникновения заразы с фронта и от распространения ее среди гражданского населения. И, хотя случаи заболеваний в наступавших советских войсках, безусловно, имели место, эпидемий благодаря усилиям медиков удалось избежать. Что касается немецкой армии, то она в течение всей Второй мировой войны была источником распространения сыпного тифа и других инфекций. В одном из секретных приказов по 9-й армии (группа армий «Центр») от 15 декабря 1942 г. констатировалось: «В последнее время в районе армии количество заболевших сыпным тифом почти достигло количества раненых»¹⁵. И это не случайно: основными переносчиками сыпняка являются вши, а жилые помещения противника буквально кишели паразитами, о чем оставлено немало свидетельств¹⁶.

Целесообразно рассмотреть еще один вопрос, касающийся бытовых условий на фронте, и связанные с этим психологические явления. Речь пойдет об употреблении алкоголя личным составом. Уже в русской дореволюционной военной психологии этому вопросу уделялось специальное внимание. Так, в одном из первых военно-социологических опросников, составленных сразу после Русско-японской войны, фигурировал вопрос о влиянии алкоголя на душевное состояние в бою, до и после него¹⁷.

Алкоголь, как и некоторые другие вещества, оказывает разностороннее воздействие на организм и психику человека в сильнейшей стрессовой ситуации боевой обстановки. Поэтому во многих армиях использовали и используют различные химические стимуляторы (от алкоголя до наркотических веществ и различных медицинских психотропных препаратов), причем последние могут применяться как перед боевыми действиями, так и после них — для снятия или смягчения психических травм. Использование таких стимуляторов может носить целенаправленный (официально одобряемый и даже внедряемый командованием), просто легальный (добровольный) или нелегальный характер — в зависимости от конкретной армии, религиозных и этнокультурных традиций, исторической ситуации и т.д. В некоторых культурах при религиозном запрете алкоголя (например, в исламе) психохимическая стимуляция отнюдь не отвергается вообще, просто происходит замена алкогольных напитков на наркотические средства, которые часто оказывают гораздо более сильное воздействие на психику — вплоть до галлюцинаций.

«Выдача алкоголя перед боем практиковалась в некоторых армиях, — писал в 1923 г. русский военный психолог, участник нескольких войн П. И. Измествев. — Упомянув об этом, я далек от мысли заниматься проповедью спаивания, я хочу только подчеркнуть органическое происхождение смелости, ибо алкоголь способствует возбуждению всего нашего организма и имеет результатом проявление большей смелости»¹⁸. Что касается употребления спиртного в русской и советской армиях, то, например, в документах о Русско-японской, Первой мировой и Советско-финляндской войнах неоднократно встречаются упоминания горячительных напитков, которые солдаты и офицеры «доставали по случаю», чтобы отметить какие-то праздники или просто расслабиться на отдыхе, иногда — «для сугреву», «в сугубо медицинских целях»¹⁹, однако на официальном уровне никаких мер для организованного снабжения армии алкоголем не принималось — за исключением поставок спирта в госпитали и другие военно-медицинские учреждения. В Первую мировую в России был даже введен сухой закон, только после революции отмененный большевиками. Зато тогда же, при отсутствии достаточного количества спиртного в условиях боевых стрессов, появились морфинисты и кокаинисты: сравнительно доступные в то время наркотики заполнили образовавшуюся пустоту.

Первый и единственный опыт узаконенной на высшем военном и государственном уровне выдачи алкоголя в отечественной армии в XX в. относится ко Второй мировой войне. Почти сразу после начала Великой Отечественной спиртное было введено в ежедневное снабжение личного состава на передовой. В подписанном Сталиным постановлении ГКО СССР «О введении водки на снабжение в действующей Красной армии» от 22 августа 1941 г. говорилось:

«Установить начиная с 1 сентября 1941 г. выдачу 40° водки в количестве 100 граммов в день на человека красноармейцам и начальствующему составу первой линии действующей армии»²⁰.

В воспоминаниях участников войны спиртное рассматривается не только как средство психологической разрядки в боевой обстановке, но и как незаменимое «лекарство» в условиях русских морозов. «Каждый день положены были сто наркомовских граммов водки, — вспоминал С. В. Засухин. — Но на самом деле выпадало больше... Наши интенданты имели всегда запас. И мы в батарее хранили „энзэ“ в термосах. Водка сопровождала все 24 часа. Без нее невозможно было, особенно зимой. Бомбежки, артобстрелы, танковые атаки так на психику действовали, что водкой и спасались. И еще куревом»²¹. Немцы тоже широко пользовались спиртным, причем среди захваченных у них трофеев встречался не только шнапс, но и французские вина, а на другом театре военных действий обязательным атрибутом японских солдат-смертников была бутылка с рисовой водкой — сакэ²².

Следует также отметить, что неприятель нередко использовал тягу к спиртному как средство нанесения урона личному составу противоборствующей стороны. Так, в Первую мировую немецкие и австрийские войска специально оставляли при отходе или подбрасывали к русским позициям бутылки с отравленным спиртным²³, а в годы Второй мировой единственными объектами, которые немцы сознательно не уничтожали при отступлении, рассчитывая на массовое спаивание наступавших советских войск, были винные склады и спирто-водочные заводы.

Естественно, именно служба занимала основную часть солдатского времени, особенно во время активных боевых действий (наступления, обороны, отступления) или подготовки к ним. Но нередко случались и такие периоды позиционного этапа войны, когда заполнить время было очень сложно. Но всё же война всегда оставалась не только опасным, но и изнуряющим физически силы и психику человека трудом. Минуты затишья могли сменяться внезапными периодами напряженных боев. Поэтому отдых, прежде всего сон, так ценились на фронте. «В каких условиях и сколько приходилось спать? Да по-разному, — вспоминал ветеран Великой Отечественной Л. Н. Пушкарев, — Это зависит от человека. Были люди, которые могли спать в любых условиях. Выделяется время свободное — он ложится и спит... Многие спали впрям, потому что знали, что будут такие условия, когда спать нельзя будет»²⁴. И действительно, иногда в боевой или походной обстановке отдыхать не приходилось по нескольку суток, и усталость людей была столь велика, что многие бойцы приучались спать на ходу, прямо на марше.

Впрочем, в период обороны даже на передовой удавалось устроиться довольно уютно, обзавестись пусть временным, но «домом». «Мы, артиллеристы,

народ хлопотливый, как приехали на место, сразу зарываемся в землю, — писал 29.04.1942 г. брату заместитель политрука Ю. И. Каминский. — Вот сейчас мы построили хороший блиндаж. Устроен он так: снаружи ничего не видно — только труба торчит, вроде самоварной, и под землю ведет дырка — ступеньки земляные, на дверях плащ-палатка. Внутри он выглядит так: проход, а по обеим сторонам нары, покрытые соломой и льдом, а поверх постланы плащ-палатки. В головах вещмешки. Над головой на гвозде котелок, каска, противогаз. Шинель по солдатскому обычаю обычно служит всем. Крыша состоит из трех рядов бревен, положенных друг на друга и пересыпанных землей. Такую крышу „в три наката“ пробьет только тяжелый снаряд, да и то при прямом попадании. В блиндаже печурка — тепло. Лампа, сделанная из бутылки, дает свет и копоть. Спим рядышком, понятно — не раздеваясь, так как в любую минуту может прозвучать любимая команда „Расчет, к оружию!“²⁵.

В ходе наступления, когда наши войска выбивали противника с укрепленных позиций, они имели возможность познакомиться и с его «жилищно-бытовыми условиями», что нередко приводило к неприятным последствиям. «Во время наступательного марша мы изредка в ночные часы использовали немецкие блиндажи, — вспоминал бывший артиллерист, командир батареи С. В. Засухин. — Надо сказать, немцы строили хорошие блиндажи. Стенки обкладывали березой. Красиво внутри было, как дома. На нары стелили солому. В этих-то блиндажах, на нашу беду, мы и заразились вшами. Видимо, блиндажный климат создавал благоприятные условия для размножения насекомых. Буквально в несколько дней каждый из нас ощутил на себе весь ужас наличия бесчисленных тварей на теле. В ночное время, когда представлялась возможность, разводили в 40-градусный мороз костры, снимали с себя буквально все и над огнем пытались стряхнуть вшей. Но через день-два насекомые снова размножились в том же количестве. Мучились так почти два месяца. Уже когда подошли к городу Белому, нам подвезли новую смену белья, мы полностью сожгли все вшивое обмундирование, выпарились в еще уцелевших крестьянских банях и потом вспоминали пережитое, как страшный сон»²⁶.

Определенными и весьма существенными особенностями отличается фронтовая повседневность рядового и командного состава. «Конечно, точка зрения солдата на войну — одна точка зрения, командира полка — другая, даже на один и тот же бой. Потому что они ведь и смотрят на него с разных точек и имеют в нем, в этом бою, различные задачи, — писал К. Симонов. — Я говорю не о политической задаче — общей, нравственной, патриотической, — а о военной задаче в бою»²⁷. Впрочем, наиболее существенные различия обуславливались в первую очередь характером и степенью ответственности, возложенной на

каждого в зависимости от служебного положения. Рядовой отвечает только за себя, выполняя приказы всех вышестоящих начальников. Его инициатива предельно ограничена рамками этих приказов. Командир любого ранга несет ответственность не только за себя, но и за своих людей, званием и должностью ему дано право посылать их на смерть, и в этом самое трудное его испытание — испытание властью. Чем выше должность, тем большее число людей зависит от его воли, деловых и человеческих качеств. Но над каждым командиром есть другой командир, чья власть еще больше. И его инициатива тоже ограничена рамками приказов, хотя возможность ее проявить шире, чем у простого солдата. Случалось, что страх перед начальством оказывался сильнее, чем перед врагом. И самой отвратительной трусостью была не боязнь смерти, а боязнь доложить правду о сложившейся ситуации на позиции: за такой трусостью на войне всегда стоят чьи-то жизни²⁸.

Говоря о том, насколько сложнее психические условия деятельности командиров по сравнению с рядовыми бойцами, русский военный психолог Н. Н. Головин отмечает, что чем выше поднимаешься вверх по иерархической лестнице военного командования, тем сильнее уменьшается личная опасность и физическая усталость, но зато многократно увеличивается моральная ответственность, которая лежит на плечах начальника²⁹. О том же свидетельствует в своей книге «Душа армии» и генерал П. Н. Краснов: «Чувство страха рядового бойца отличается от чувства страха начальника, руководящего боем. И страх начальника, лично руководящего в непосредственной близости от неприятеля боем, отличается от страха начальника, издали, часто вне сферы физической опасности управляющего боем. Разная у них и усталость. Если солдат... устает до полного изнеможения физически, то начальник, ... не испытывая такой физической усталости, устает морально от страшного напряжения внимания»³⁰.

Во все времена рядовые ценят командиров не только за их способность умело управлять войсками и одерживать победы, но и за способность хотя бы ненадолго войти в роль самих рядовых, «примерить» на себя опасность, переживаемую солдатами ежечасно, прочувствовать то, что чувствуют в бою они, и показать себя достойными их доверия, выраженного в готовности выполнить любой, даже смертельный приказ.

Принадлежность к командному составу обуславливала и некоторые особенности военного быта (в обеспечении жильем, питанием, денежным довольствием), создавала особый круг внеслужебного общения, досуга. Подобное общение в «своем» кругу, отражающее элементы корпоративности, существовало как в дореволюционное, так и в советское время, за исключением первых послереволюционных лет. Окончательное возрождение офицерской корпоративности произошло в период Великой

Отечественной войны, причем этот процесс активно стимулировался «сверху», и логичным его завершением стало возвращение целого ряда элементов старой воинской атрибутики.

Определенная привилегированность в положении командного состава имела и свою обратную сторону: боевые потери среди офицеров (пропорционально численности) всегда были выше, чем среди рядового состава. Так, в Великую Отечественную среди командиров Советской Армии безвозвратные потери составили более 1 млн. человек или 35% общего числа офицеров, состоявших на службе в Вооруженных Силах в период войны, причем более 800 тыс. из них приходилось на младших лейтенантов, лейтенантов и старших лейтенантов³¹. «Младшие офицеры войны... испытали войну на своей шкуре, в одном окопе с рядовыми, — вспоминал бывший лейтенант Т. Жданович. — В этом вся тяжесть: ты и рядовой, ты и как командир рядовых подними, да и сам в бой. И сам не дрогни, и других сдержи...»³²

У каждого рода войск и представителей разных военных профессий также существовали специфика повседневной жизни и особенности восприятия военной действительности, зависящие от ряда факторов, которые можно классифицировать следующим образом:

1. Конкретная обстановка и задача каждого бойца и командира в бою;
2. Наиболее вероятные (типичные) виды опасности;
3. Характер физических и нервных нагрузок;
4. Специфика контактов с противником (ближний или дальний);
5. Взаимодействие с техникой (видом оружия);
6. Особенности военного быта.

Начнем с главного фактора, влияющего на психологию родов войск в условиях боевых действий — со специфики видов, форм и степени опасности, присущих каждому из них. «Чувство опасности присутствует у всех и всегда, — писал в 1942 г. К. Симонов. — Больше того. Продолжаясь в течение длительного времени, оно чудовищно утомляет человека. При этом надо помнить, что все на свете относительно... Человеку, который вернулся из атаки, деревня, до которой достают дальнобойные снаряды, кажется домом отдыха, санаторием, чем угодно, но только не тем, чем она кажется вам, только что приехавшим в нее из Москвы»³³.

При огромном количестве случайностей, неизбежных на войне, каждому роду войск соответствовал свой собственный, наиболее вероятный «вид смерти». Для летчика и танкиста самой реальной была опасность сгореть в подбитой машине, для моряка — утонуть вместе с кораблем вдали от берега, для сапера — подорваться на mine, для пехотинца — погибнуть в атаке или под обстрелом и т.д., и т.п. При этом, привыкая к «своему» виду опасности и со временем почти не реагируя на него, солдаты, ока-

завшись в непривычных условиях, иногда терялись, испытывая чувство страха там, где представители других родов войск чувствовали себя естественно и непринужденно, так как для них именно такая обстановка была повседневной реальностью.

Вот как описывает подобную ситуацию бывший танкист, полный кавалер ордена Славы И. Архипкин: «Воевать везде одинаково трудно, что в пехоте, что в танковых... Но, как бы сказать, пехотинцу, он окоп выкопал, лег, понимаете, — и отстреливайся. А если он в танк попадет? Вот у нас десантники были, танкодесантники... Ну, там по несколько человек — по шесть, по восемь на танке, когда сколько. И командир отделения у них, боевой такой парень, симпатичный, красивый, грудь в орденах вся. И вот, бывало, попросим его: давай, мол, в танк залезем — ну, когда по стопочке там есть, все такое. Так он залезет, стопку выпил, схватил кусочек колбасы там или сала — все, он выскакивает. Я, говорит, не могу в нем сидеть: понимаете, вот какое-то ощущение — снаряд прилетит сейчас, попадет... А уж земля, говорит, она меня и укроет, и все тут»³⁴.

Если на пехотинца «давило» тесное, замкнутое пространство танка, казалось, что все пушки врага нацелены на этот «стальной гроб» и достаточно одного попадания, чтобы его уничтожить, то танкист, в свою очередь, очень неуютно чувствовал себя в бою под открытым небом, когда не был защищен броней от пуль и осколков. Так же и летчик, по неблагоприятному стечению обстоятельств оказавшийся в наземных войсках, с трудом адаптировался в новых условиях.

На войне каждый видел жизнь через то дело, которым занимался, имея свой собственный «радиус обзора»: пехотинец — окоп, танкист — смотровую щель танка, летчик — кабину самолета, артиллерист — прицел орудия, врач — операционный стол. Но разница в их восприятии войны была обусловлена также тем, что, выполняя, каждый по-своему, тяжелую солдатскую работу, связанную на войне с необходимостью убивать, представители разных родов войск осуществляли ее по-разному: кто-то вблизи, встречаясь с противником лицом к лицу, успевая увидеть его глаза; а кто-то на расстоянии, посылая снаряд или бомбу в намеченную цель и не всегда представляя размеры разрушений и количество смертей, вызванных этим снарядом. Для последних противник не был «очеловечен», представляясь, скорее, безликой фигуркой на мишени. Убивать вблизи было труднее и страшнее. Вот как вспоминает рукопашный бой бывшая санинструктор О. Я. Омельченко: «Это ужас. Человек таким делается... Это не для человека... Бьют, колот штыком в живот, в глаз, душат за горло друг друга. Вой стоит, крик, стон... Для войны это и то страшно, это самое страшное. Я это все пережила, все знаю. Тяжело воевать и летчикам, и танкистам, и артиллеристам, — всем тяжело, но пехоту ни с чем нельзя сравнить»³⁵.

Впрочем, в бою выбора не было, все сводилось к простой дилемме: либо ты успеешь убить первым, либо убьют тебя. Танкисты, не только стрелявшие из башенного орудия и пулеметов своей машины, но и давившие гусеницами огневые точки врага вместе с прислугой, «утюжившие» вражеские траншеи, подобно пехоте входили в непосредственное соприкосновение с противником, то есть убивали вблизи, хотя и посредством техники. Психологически для них особенно тяжело было «ехать по-живому». Но в других родах войск это происходило не так заметно и менее болезненно для человеческой психики. «Наш лагерь стоял в лесу, — вспоминает бывшая летчица А. Г. Бондарева. — Я прилетела с полета и решила пойти в лес, это уже лето, земляника была. Прошла по тропинке и увидела: лежит немец, убитый... Знаете, мне так страшно стало. Я никогда до этого не видела убитого, а уже год воевала. Там, наверху, другое... Все горит, рушится... Когда летишь, у тебя одна мысль: найти цель, отбомбиться и вернуться. Нам не приходилось видеть мертвых. Этого страха у нас не было...»³⁶

XX век с бурно развивающимся техническим прогрессом predetermined возникновение системы «человек-машина». Военная техника объединяла такое количество людей, какое было необходимо для ее функционирования в бою, создавая тем самым особый вид коллектива с особыми внутренними связями: пулеметный и оружейный расчет, танковый и летный экипаж, команду корабля и подводной лодки и т.д. Возник и такой феномен человеческих отношений, как «экипажное братство», наиболее ярко проявлявшееся у танкистов и летчиков. Нескольким человек, заключенных в один стальной или летающий «гроб», в одинаковой степени рисковали жизнью, и жизнь всех членов экипажа в бою зависела от четкости и слаженности действий каждого, от глубины эмоционального контакта между ними, понимания друг друга не только с полуслова, но и с полувзгляда. Чем сильнее были подобные связи, тем больше была вероятность уцелеть. Поэтому вполне закономерным является тот факт, что командир танка всегда делился своим офицерским допайком со всем экипажем. Покидая горящую машину, уцелевшие танкисты вытаскивали из нее не только раненых, но и убитых. Боевая действительность определяла кодекс поведения и взаимоотношения людей.

Еще один аспект проблемы «человек и техника» — это превращение некоторых родов войск в элитарные — не по принципу подбора кадров, а по стратегическому значению в данной войне и формированию особой психологии личного состава. В Великую Отечественную таким особым сознанием своей значимости отличались бронетанковые войска, авиация и флот, причем, военно-воздушные и военно-морские силы — наиболее ярко. В психологическом плане у летчиков и моряков было много общего. В бою и для тех, и для других гибель боевой техники почти всегда означала собственную гибель — самолет,

подбитый над территорией противника, оставлял экипажу, даже успешному выпрыгнуть с парашютом, мало шансов на спасение; у моряков с потопленного корабля было также мало шансов доплыть до берега или быть подобранными другим судном. Поэтому у других родов войск те и другие слыли за отчаянных храбрецов. Впрочем, они и сами старались поддерживать подобную репутацию. Летный состав, состоявший преимущественно из офицеров, имел ряд льгот и особые традиции.

Традиции на флоте были более древними, так же, как и сам флот, и соблюдались с необыкновенной тщательностью, являясь для представителей других родов войск предметом зависти и восхищения. В воспоминаниях капитан-лейтенанта Л. Линдермана, командира БЧ-2 минного заградителя «Марти», есть такой эпизод. При эвакуации с полуострова Ханко в Ленинград сухопутных войск на борту корабля их размещали следующим образом: командный состав — в каюты комсостава, старшин — в старшинские, личный состав — по кубрикам. Командир стрелкового полка, оказавшись в роскошной офицерской каюте, где царили идеальные чистота и порядок, а затем в кают-компаниях за накрытым крахмальной скатертью, сервированным, как в хорошем ресторане, столом, не выдержал и воскликнул: «Ну, ребята, в раю живете, ей-богу! Даже лучше: там пианино нет и картин по стенкам... Да... Так воевать можно!» И только по окончании тяжелейшего похода, в котором экипажу пришлось вести напряженную борьбу с плавучими минами, авиацией и береговой артиллерией противника, признал, прощаясь: «Уж ты извини меня, моряк, за тот разговор о райской жизни. Скажу откровенно: лучше два года в окопах, чем две ночи такого похода»³⁷. Незначительные преимущества в быту, которыми пользовались моряки и летчики, были ничтожной компенсацией за те труднейшие условия, в которых им приходилось сражаться.

И, наконец, в отношении человека к своей боевой машине, будь то танк, самолет, корабль или подводная лодка, было что-то от отношения кавалериста к лошади: техника воспринималась почти как живое существо и, если была хоть малейшая возможность ее спасти, даже рискуя собственной жизнью, люди это делали.

Человек на фронте не только воевал — ни одно сражение не могло продолжаться бесконечно. Солдатская служба включала в себя, прежде всего, тяжелый, изнурительный труд на грани человеческих сил. Бывший пехотинец А. Свиридов вспоминает: «Все рода войск несли тяготы военных лет, но ничего не сравнится с тяготами пехоты. Кончалось преследование противника, и солдат-пехотинец, если его не зацепила пуля и не задел осколок, переходил к обороне. И начиналась изнурительная физическая работа — окапывание. В подразделении после наступательных боев бойцов оставалось мало, а фронт обороны прежний — уставной. Вот и копал наш

труженик за троих, а то и за четверых. Ночь копал до изнеможения, а перед рассветом всю выброшенную из окопа землю маскировал снегом. И день проходил в муках, потому что ни обсушиться, ни обогреться нигде было. Разогреться, распрямиться нельзя: подстрелит враг. Заснуть тоже невозможно — замерзнешь. И так, шатаясь от усталости, дрожа от холода, он коротал день, а ночью — снова надо было копать. Весной и осенью в ячейках, ходах сообщения, да и в землянках воды набиралось почти по колени, день и ночь она хлопала в сапогах. Иной раз по команде в атаку подняться сразу не всегда удавалось: примерзала шинель к земле и не слушалось занемевшее тело. Ранение воспринималось как временное избавление от мук, как отдых»³⁸.

Пехота, «царица полей», великая труженица войны, не была однородной. Она включала в себя множество боевых профессий с присущей им спецификой. Так, в наиболее сложных условиях приходилось действовать снайперу-«охотнику», в течение долгих часов выслеживая врага, чтобы поразить его с первого выстрела, а самому остаться незамеченным, не дать себя обнаружить. Здесь требовались огромная выдержка и хладнокровие, особенно во время снайперской дуэли, когда в смертельный поединок вступали равные по меткости и сноровке противники. Такие же качества требовались и для пехотной разведки, которая, по словам Владимира Карпова, всегда была «ближе других к смерти», отправляясь на задание в тыл врага — в поиск за «языком» или в разведку боем, специально вызывая огонь противника на себя. «Я вскоре понял разницу между обыкновенной пехотой и разведкой, — писал в военных записках Д. Самойлов. — Назначение пехоты — вести бой. Разведки — все знать о противнике. Ввязывание в бой (если это не разведка боем), в сущности, для разведки — брак в работе. Пехоте легче в обороне, особенно в долгосрочной. Разведке легче в наступлении, когда для того, чтобы ворваться в расположение противника, не надо преодолевать минные поля и проволочные заграждения»³⁹. Из всех многочисленных видов разведки (за исключением агентурной), пехотная разведка была самой опасной и напряженной.

Не меньшие, чем у пехотинцев, нагрузки приходились на долю артиллеристов, тащивших на себе тяжелые пушки по размытым и разбитым дорогам войны. Велико было и их психологическое напряжение в бою. Не случайно в наводчики орудия выбирали самых волевых и хладнокровных. «На тебя идет танк, — вспоминает фронтовик К. В. Подколзин. — Ты видишь его в прицел. Как бы ни было тебе страшно, надо подпустить его ближе. Осколки стучат, а ты должен точно наводить, не ошибиться, не дрогнуть. Ведь орудие само не стреляет»⁴⁰. Другой бывший артиллерист В. Н. Сармакешев описывает свое состояние так: «В горячке боя взрывы никто не считает, и мысли только об одном: о своем месте в бою,

не о себе, а о своем месте. Когда артиллерист тащит под огнем снаряд или, припав к прицелу, напряженно работает рулями горизонтального и вертикального поворота орудия, лоя в перекрестие цель (да, именно цель, редко мелькает мысль: „танк“, „бронетранспортер“, „пулемет в окопе“), то ни о чем другом не думает, кроме того, что надо быстро сделать наводку на цель или быстро толкнуть снаряд в ствол орудия: от этого зависит твоя жизнь, жизнь товарищей, исход всего боя, судьба клочка земли, который сейчас обороняют или освобождают»⁴¹. А танкисты в бою задыхались от пороховых газов, скапливавшихся внутри танка, когда стреляло орудие, и глохли от производимого им грохота. Командир и башнер могли не только сгореть заживо вместе с танком, но и быть разорванными пополам, когда от прямого попадания отлетала башня. По горькому, но меткому определению одного из ветеранов, «судьба танкиста на войне — это обгорелые кисти рук на рычагах подбитой машины».

По-разному влияли на представителей разных родов войск и особенности местности, где велись боевые действия, и природно-климатические условия. Характерным примером может служить переход наших войск через пустыню Гоби в ходе Дальневосточной кампании в августе 1945 г.: «Для нашего полка воды требовалось больше, чем для любого другого, — вспоминает участник этих событий бывший артиллерист А. М. Кривель, — нужно было напоить лошадей. Наши четвероногие друзья в эти дни научились не хуже человека пить из фляги. И солдаты делили с ними те скудные капли, которые получали из „централизованного“ фонда. Еще труднее было танкистам. В металлической коробке танка жаркий, будто расплавленный воздух, руками не тронешь нагретое железо. У всех пересохло в горле, стали сухими губы. Танки передвигались на расстоянии ста метров друг от друга. Взметенный горячий песок набивался внутрь, слепил глаза, лез во все щели, как наждак, перетирал стальные детали гусениц»⁴².

Впрочем, при всех различиях, присущих разным родам войск, те из них, которые относились к сухопутным войскам, имели между собой много общего, — именно потому, что сражались на земле. У летчиков восприятие боевой обстановки было качественно иным, как и сама эта обстановка. Они испытывали особый риск и особые нагрузки, причем, для каждого вида авиации свои, но эти различия не столь значительны и существенны, так как реальность воздушного боя была единой для всех. «Воздушный бой длится мгновения, — вспоминает бывший летчик-истребитель И. А. Леонов. — И бывали у нас в полку случаи, когда за эти несколько минут у молодых летчиков появлялась седина. Такое испытывали тяжелое нервное напряжение... Сначала видишь в небе крохотные точки. Не можешь даже определить — чьи летят самолеты: свои или чужие. Точки быстро растут. И по одному тому, как к тебе приближается вражеский летчик, идет ли в лобовую атаку — ты можешь

определить, примерно, и опыт его, и нор. В бою, как говорится, приходится вертеть головой на 360 градусов. Отовсюду может достать враг. Бросаешь самолет в такие фигуры, которые в иное время, может быть, и не сделал бы. Ты заворачиваешь вираж, догоняя врага. Или на крутом вираже стараешься оторваться от него. Камнем направляешь машину вниз и круто выводишь из пике. В этот момент испытываешь большие перегрузки: веки сами закрываются, щеки обвисают от нагуги, все тело будто налито свинцом. А самое главное в бою — ты должен в доли секунды принять единственно верное решение. От него зависит — выйдешь ли ты победителем или погибнешь. В те дни почти каждый вылет истребителей был сопряжен с воздушным боем. Мы искали врага в небе, чтобы победить. Приходилось вылетать по четыре-пять раз. Это было очень тяжело даже для молодых, тренированных летчиков. Случалось, кто-нибудь из ребят приведет самолет на аэродром и вдруг тяжело ткнется головой в приборы. Что такое? Ранен? Убит? Нет, потерял сознание от переутомления... Но молодость выручала нас. Пройдет два-три часа, и мы снова готовы к полету»⁴³.

У моряков, особенно у подводников, были не менее чудовищные физические и нервные нагрузки. Вот описание только одного боевого эпизода, в котором участвовала гвардейская подводная лодка «Щ-303»: «Вражеские катера обнаруживают подводников и начинают бомбежку. Лодка оказалась в кольце противолодочных кораблей. Сорок пять часов она уже под водой. Тяжело дышать. У многих началось кислородное голодание. Чтобы меньше был расход кислорода, люди лежат — таков приказ командира. Слипаются глаза, клонит ко сну... Лодку сильно бомбят, и она ложится на грунт. Почти два часа продолжается бомбежка. „Два часа ада“, — напишет потом командир в своих воспоминаниях. Чтобы уменьшить шумы на лодке, краснофлотцы сняли обувь, обмотали ветошью ноги и двигаются по палубе неслышно. Обстановка тяжелая. Люди задыхаются. немеют пальцы, деревенеют подошвы ног, тело покалывает иголками. Уснул электрик Савельев. Дышит тяжело. На губах розовая пена... „Мы не знаем, когда наступит смерть от удушья. По теоретическим расчетам, нам полагалось задохнуться после трех суток пребывания под водой...“⁴⁴ — вспоминает командир лодки капитан 3-го ранга И. В. Травкин. Лодке удалось вырваться из блокады, пройдя под водой через минное поле. Выдержать подобное напряжение мог не каждый.

Но вот еще одна сторона войны — в восприятии тех, кто по роду своей службы спасал от смерти, облегчал страдания искалеченным, возвращал раненых в строй. «Мало кто задумывался и задумывается над тем, какие переживания выпали в годы войны на долю медицинского персонала наших войск, — пишет бывший военврач Г. Д. Гудкова. — А между тем война — даже в периоды успешных наступательных

операций — оборачивалась к нам, медикам, исключительно тягостной, губительной стороной. Мы всегда и везде имели дело с муками, страданиями и смертью. Наблюдать это нелегко. Еще тяжелее хоронить тех, кого не сумел выводить, спасти. Тут не выручает никакой профессионализм... На войне мучения и страдания, даже гибель становится повседневным, рядовым уделом миллионов сильных, здоровых, как правило, именно молодых людей. Да и спасать жертвы войны приходится, не зная, избавишь ли их от новых мук или от неисправимой беды...»⁴⁵. По свидетельству многих, на фронте человеческая смерть со временем воспринималась как обыденное явление, чувство отчаяния и невозможности потери притуплялось. Психологическая разрядка наступала уже потом, и тогда случайные события из мирной послевоенной жизни вызывали в памяти болезненные ассоциации с тем, что пришлось пережить в войну. Многие медики были вынуждены бросить свою работу. «После войны в родильном отделении акушеркой работала — и не смогла долго, — вспоминает бывший командир санитарного взвода гвардии лейтенант М. Я. Ежова. — У меня аллергия к запаху крови, просто не принимал ее организм. Столько я этой крови на войне видела, что больше уже не могла. Больше организм ее не принимал... Ушла из „родилки“. Ушла на „Скорую помощь“. У меня крапивница была, задыхалась...»⁴⁶. С другой стороны, большинство фронтовиков, связавших впоследствии свою судьбу с медициной, сделали это в знак высшей благодарности к тем, кто спасал им жизнь на фронте, в медсанбатах и госпиталях. Именно там уставшие убивать солдаты давали себе клятву: «Если останусь жив, буду так же спасать людей». «Было в те первые послевоенные годы в нашем Медицинском институте, — вспоминает В. Н. Сармакешев, — стрелянных и покалеченных ребят около пятидесяти из двух тысяч студентов. Но самое удивительное то, что среди тех пятидесяти, пришедших с фронта, не было ни одного медика: пехотинцы, танкисты, артиллеристы, саперы, даже летчики, но ни одного фельдшера»⁴⁷. У каждого из них была «своя» война и забыть о ней каждый тоже старался по-своему.

***

Именно фронтовая повседневность наиболее ярко выявляет закономерности, общие черты солдатской психологии, — независимо от того, на какой войне, в какой армии, на чьей стороне человек воюет.

Людей на передовой всегда волновали одни и те же житейские вопросы, о чем свидетельствуют их письма домой. Так, во всех письмах участников войн XX в. преобладало описание деталей военного быта: устройство жилого помещения, распорядок дня, рацион питания, денежное довольствие, состояние обуви, досуг, нехитрые солдатские развлечения. Затем следовали характеристики боевых товарищей и командиров, взаимоотношений между ними, то есть

проблемы человеческого общения. Нередки были воспоминания о доме, родных и близких, о довоенной жизни, мечты о мирном будущем, о возвращении с войны. Давались описания погодных условий, местности, где приходилось воевать, и собственно боевых действий. Встречались рассуждения о патриотизме, воинском долге, об отношении к службе и должности, но этот «идеологический мотив» был явно вторичен, возникал там и тогда, когда «новостей нет» и «больше писать не о чем», хотя это вовсе не отрицало искренности самих патриотических чувств. Попадались и высказывания в адрес противника, как правило, иронические или ругательные. И все же «героический» аспект войны, отраженный в письмах, явно уступал по значимости житейскому, будничному, повседневному, потому что даже под пулями, рядом с кровью и смертью, люди пытались просто жить. И кроме того, старались успокоить своих близких, показать им, что живут неплохо и что на войне «не так уж страшно».

Какие из этого можно сделать выводы?

В письмах участников разных войн прослеживается единый дух, общий психологический настрой, те же мысли, чувства, желания. Оружие совершенствуется, человеческая природа остается без существенных изменений. Однотипные ситуации вызывают соответствующие реакции на них, в чем, собственно, и проявляется единство законов психологии. Хотя, безусловно, в этой психологии есть и историческая, и национальная специфика. Время и место действия вносит свои коррективы, накладывает характерный отпечаток на восприятие вопросов, которые волнуют солдат на передовой, но сами эти вопросы в основном сохраняются. И именно проблемы повседневной жизни приобретают в их ряду первостепенное значение.

Перспективность использования разнообразных «матриц» как инструмента исследования повседневности как таковой и фронтовой повседневности в частности представляется вполне очевидной. Например, для изучения фронтовой повседневности целесообразно типологизировать войны, фронтовые ситуации, военные профессии с их спецификой деятельности, специфику природно-климатических условий фронтов, этнокультурные регионы и т.д. В любом случае потребуется наложение друг на друга нескольких матриц: матрицы ценностей, структуры материальной среды, социальной стратификации, матрицы культуры, матрицы занятий и т.д. Очень важный аспект — то, что социологи называют «бюджетом времени»: на что и как тратится время, которым располагает человек в течение дня, сезона, года, жизни (индивидуальная судьба, биография, судьба поколения), как соотносятся индивидуальные и социальные ритмы.

Но «усреднение» дает нам лишь общую тенденцию истории фронтовой повседневности. Это важно, но ведет к чрезмерному упрощению, не позволяет видеть всю палитру разнообразия. Гораздо более плодотворным представляется типологизирующий подход, при котором повседневность может изучаться именно по категориям фронтовых ситуаций и профессионально-статусным группам военных. Естественно, при этом возникает ряд методологических и технологических проблем, в том числе проблема выбора «репрезентативных» категорий, проблема структурирования повседневности на сферы и уровни и ряд других. Однако всё это — вполне решаемые задачи, многие из которых уже успешно реализуются в рамках новой отрасли исторической науки — военно-исторической антропологии⁴⁸.

¹ Подробнее о теоретико-методологических проблемах исследования повседневности см.: Сенявский А. С. Российская повседневность в XX веке: теоретико-методологические подходы к изучению // Человек в российской повседневности. Сб. науч. статей. М., 2001; Он же. Повседневность как методологическая проблема микро и макро-исторических исследований (на материалах российской истории XX века) // История в XXI веке: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества. М., 2001.

² Момыш-Улы Б. Психология войны. Алма-Ата, 1990. С. 39–40.

³ Великая Отечественная война 1941–1945. События. Люди. Документы. Краткий исторический справочник. М., 1990. С. 423–424.

⁴ Серебрянников В. В. Социология войны. М., 1997. С. 243.

⁵ Великая Отечественная война 1941–1945. События. Люди. Документы. С. 435–436.

⁶ См.: Мягков М. Ю. Вермахт у ворот Москвы. 1941–1942. М., 1999. С. 218–219.

⁷ Коробейников М. П. Современный бой и проблемы психологии. М., 1972. С. 162.

⁸ Гуськов С. Если останусь жив... М., 1989. С. 216.

⁹ Гудкова Г. Будет жить! Сапожникова М. «Сестра Валя». М., 1986. С. 181.

¹⁰ «Я точно знаю: меня никогда не убьют!» // Комсомольская правда. 1993. 8 мая.

¹¹ Луков Г. Д. Психология (Очерки по вопросам обучения и воспитания советских воинов). М., 1960. С. 43–44.

¹² Дрейлинг Р. Военная психология как наука // Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997. С. 160.

¹³ Комбату Засухину помогли на войне вера в Сталина, водка и теплые кальсоны // Комсомольская правда. 14 декабря 1996 г.

¹⁴ См.: Мирский М. Б. Обязаны жизнью. М., 1991. С. 142.

¹⁵ Там же. С. 155.

- ¹⁶ См., например: Комбату Засухину помогали на войне...
- ¹⁷ Феденко Н.Ф., Раздубев В.А. Русская военная психология (Середина XIX — начало XX века.) Учебное пособие. М., 1993. С. 32.
- ¹⁸ Измествьев П.И. Очерки по военной психологии. (Некоторые основы тактики и военного воспитания). Пг., 1923. С. 24.
- ¹⁹ См.: Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959. С. 94.
- ²⁰ Военно-исторический журнал. 1992. N 4–5. С. 23.
- ²¹ Комбату Засухину помогали на войне...
- ²² Кривель А.М. Это было на Хингане. М., 1985. С. 125.
- ²³ См.: Федорченко С. Народ на войне. М., 1990. С. 34.
- ²⁴ Из интервью с Л.Н. Пушкаревым. 4 июня 1997 г. // Личный архив автора.
- ²⁵ Музей боевой славы Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Личный фонд Ю.И. Каминского.
- ²⁶ Комбату Засухину помогали на войне...
- ²⁷ Симонов К. Солдатские мемуары. Документальные сценарии. М., 1985. С. 301–302.
- ²⁸ Песков В. Война и люди. М., 1979. С. 154.
- ²⁹ Головин Н. Обширное поле военной психологии // Душа Армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997. С. 20.
- ³⁰ Краснов П. Душа армии. Очерки по военной психологии // Душа Армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997. С. 44.
- ³¹ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 315.
- ³² Симонов К. Солдатские мемуары. С. 260.
- ³³ Симонов К. Разные дни войны. Дневник писателя. М., 1975. С. 94.
- ³⁴ Симонов К. Солдатские мемуары. Документальные сценарии. М., 1985. С. 212–213.
- ³⁵ Алексиевич С. У войны — не женское лицо. Минск, 1985. С. 163–164.
- ³⁶ Там же. С. 115.
- ³⁷ Огненные фарватеры. Л., 1987. С. 57–58.
- ³⁸ Яковенко А. Когда конфликт неизбежен. М., 1989. С. 188–189.
- ³⁹ Самойлов Д. Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. №2. С. 57–58.
- ⁴⁰ Овчинникова Л. Колокол на Долгом лугу. М., 1989. С. 70.
- ⁴¹ Сармакешев В.Н. А мы такие молодые. М., 1988. С. 122.
- ⁴² Кривель А.М. Слышишь, Халхин-Гол! М., 1989. С. 137–138.
- ⁴³ Овчинникова Л. Указ. соч. С. 39.
- ⁴⁴ Ворков С.С. Морская гвардия. О гвардейских кораблях и частях Краснознаменной Балтики. Л., 1990. С. 64–65.
- ⁴⁵ Гудкова Г. Будут жить! Сапожникова М. "Сестра Валя". М., 1986. С. 179–180.
- ⁴⁶ Алексиевич С. У войне — не женское лицо. Мн., 1985. С. 310.
- ⁴⁷ Сармакешев В.Н. Указ. соч. С. 133–134.
- ⁴⁸ См.: Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология — новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002. № 4. С. 135–145; Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002. Предмет, задачи, перспективы развития /Отв. ред. и сост. Е.С. Сенявская. М., 2002; Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. Новые научные направления. /Отв. ред. и сост. Е.С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 2005; Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2005/2006. Актуальные проблемы изучения /Отв. ред. и сост. Е.С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 2007 и др.